

Walentina Czerniak

Славянский мир в словарном представлении

Acta Polono-Ruthenica 1, 209-214

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Walentina Czerniak
Sankt Petersburg

Славянский мир в словарном представлении

Антропоцентрические ориентации современной лингвистики в целом и лексикографии в частности выдвигают на первый план проблему отражения картины мира в словаре. Адекватное словарное представление изменяющейся национальной картины мира, мировидения народа чрезвычайно актуально сегодня в связи с тем, в частности, что многие годы существенные черты словарной продукции определялись жесткими идеологическими рамками.

Совокупная информация различных словарей дает возможность вскрыть многие значимые черты национальной картины мира. Так, А.Е. Супрун, проанализировав круг общеславянской лексики, связанной со звуковыми впечатлениями (названия певчих птиц, древних музыкальных инструментов славян), делает важный и аргументированный вывод об эстетическом восприятии природы древними славянами, об их особом внимании к звуковому ряду и о раннем развитии в связи с этим начатков музыки.¹

Блестящий анализ национальных особенностей мировосприятия, воплощенных в лексике, сделал на основе данных словарей в одной из своих работ Ю.Д. Апресян.²

В словарях, особенно словарях историко-этимологических и диалектных, во всей полноте раскрывается исконная языковая общность славян, общность их мировидения. Материалы словарей в сочетании с наблюдениями над реальным бытованием языка легли в основу целого ряда исследований, посвященных культуре и тра-

---

¹ А.Е. Супрун, *Лексика как зеркало культуры и проблемы лексической реконструкции*, [в:] *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады*, ч. 1, Москва 1991.

² Ю.Д. Апресян, *Образ человека в русской лексике*, „Вопросы языкознания”, 1995, № 1.

дициям славян. Весьма показателен в этом отношении энциклопедический словарь *Славянская мифология*.³ В нем описано более 200 понятий, таких, как: аист, береза, бесы, вода, дом, ласточка, рябина, русалка, сокол, ящерица и т.п. Словарь представляет достаточно широко панораму духовной и материальной жизни славян. В основе лексической структуры текстов словарных статей лежат ассоциативные текстовые поля, линии связей в которых могут быть более или менее актуальными для той или иной славянской общности. Ср., например: лягушка - жаба - гад - змея - уж - ядовитый - нечистое животное; лягушка - панна - женщина - обращенные люди; лягушка - домашний покровитель; лягушка - рождение детей; лягушка - взгляд - сглаз; лягушка - кваканье - погода - засуха; богатство - доля - судьба - удача - изобилие; богатство - скот - шерсть - мех - волосы - овчина - шуба; богатство - золото - серебро - деньги; богатство - яйцо с двумя желтками - орех с двумя ядрами - двойчатки-близнецы.

Естественно, в словаре любого славянского языка широко представлен круг слов, отражающих специфические черты быта, культуры, истории народа. Так, в толковых словарях русского языка широко представлен пласт так называемой руссиеведческой лексики. Принадлежность к ней эксплицируется в словарных статьях при помощи специальных компонентов толкований. Ср.: лосина (мн.) 2. Белые штаны из лосиной кожи как часть военной формы в отдельных полках с т а р о й р у с с к о й и некоторых других армий; шкалик (устар.): С т а р и н н а я р у с с к а я мера вина, равная 1/200 ведра, винная посуда такой меры; штоф: С т а р и н н а я р у с с к а я мера водки, равная 1/10 ведра, а также бутылка такой меры.

В толковых словарях выделяются широкие группы хронологически отмеченной руссиеведческой лексики, связанной с определенными историческими периодами, например, компонент толкования „в древней и средневековой Руси” объединяет слова: боярин, варяги, вече, витязь, воевода, волость, гривна, окольный, смерд, терем, тиун, ушкуй, челобитная и др.; компонент „в царской Рос-

³ *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*, Москва 1995, с. 250-252.

сии” - слова: городской, есаул, исправник, околоток, подпоручик, попечитель, пристав, сотник, урядник, и др. Нередко слова, обладающие широкой историко-культурной фоновой семантикой, выделяются в словарях при помощи достаточно абстрактного и неопределенного компонента толкования „в старину”: атаман, басурман, бесприданница, булава, бурлак, вольная, кибитка, коробейник, подорожная, сбитень, сонник и пр. Следует подчеркнуть, что слова названного типа представляют обычно пассивную часть лексикона носителя русского языка, а нередко ему совсем неизвестны. Такие часто с трудом семантизируемые нашим современником лексические единицы В.В. Морковкин и А.В. Морковкина удачно назвали агнонимами.⁴ Без адекватного понимания таких слов невозможно полноценное декодирование текстов классической литературы, их сохранение в лексиконе русских - проблема экологии языка.

Поскольку в толковых словарях отражена модель наивного языкового сознания, наивная картина мира⁵, представляется важным обращение и к тому пласту лексики, в словарных толкованиях которого эксплицирован компонент „относящийся к славянам”. Выделение этой группы лексики дает, на наш взгляд, самую общую картину того, как в наивном языковом сознании русских представлен „славянский мир”.

Для ответа на поставленный вопрос была осуществлена выборка из *Словаря русского языка* С.И. Ожегова. Обращение к толковому словарю малого типа мотивируется тем, что его словник отражает в первую очередь лексику, актуальную для современного языкового сознания.

Анализ словаря показал, что количество слов с эксплицированным компонентом отнесенности к славянскому миру (за исключением русских) очень невелико и представлено 70 единицами (без производных, не выделенных в отдельные словарные статьи). Это в первую очередь гнездо с корнем слав-: славяне, славянство, славянофильство, славянофил, панславизм, славянизм, старославянский, церковнославянский, славистика, славист, славяноведение; словарь предлагает именованья славянских народов: белорусы,

⁴ А.В. Морковкина, *Агнонимы в русском языке*, Москва 1993.

⁵ Р.М. Фрумкина, *Лингвист как познающая личность*, [в:] *Язык как когнитивная деятельность*, Москва 1989.

болгары, лужичане, македонцы, поляки, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты, чехи, черногорцы, югославы (к этой группе примыкает просторечное **хохол**).

Несколько слов связано с культурой славян, причем преобладают в этой микропарадигме широко известные названия танцев: *гопак* - „народный украинский танец, а также музыка в ритме этого танца”, *краковяк* - „польский народный быстрый танец, а также музыка в ритме этого танца”, *мазурка* - „польский народный, сценический и бальный танец, а также музыка в ритме этого танца”, *полонез* - „польский народный танец-шествие, а также музыка в ритме этого танца”, *полька* - „быстрый, с прыжками танец чешского происхождения, а также музыка в ритме этого танца”. Ср. также: *бандура* - „1. Украинский народный струнный щипковый музыкальный инструмент”, дума „2. Род украинской народной исторической песни”.

Четко очерчена микропарадигма, образованная названиями денежных единиц славянских государств: золотый, крона, лев, динар. Весьма ограниченным оказался круг бытовой лексики, в толкованиях которой представлен компонент „славянский”: галушки - „украинское кушанье - кусочки отваренного теста”, хата - „на Украине, в Белоруссии, на юге России крестьянский дом”.

Так же, как и в группе россиеведческой лексики, среди „славяноведческих” лексических единиц присутствуют хронологически отмеченные слова, которые, в отличие от приведенных выше, со всей очевидностью относятся к агнонимам, находясь на дальней периферии активного лексикона русских или вообще выпадая из него. Ср., например: гетман - „1. В старину на Украине: начальник казацкого войска и верховный правитель. 2. В старину в Польше: командующий войсками, армией”; чумак - „в старое время на Украине: крестьянин, занимающийся перевозкой и продажей соли, рыбы, хлеба”; понева - „домотканная шерстяная юбка - старая национальная одежда южнорусских и белорусских крестьян”.

В целом пласт „славяноведческой” лексики включает достаточно ограниченный круг слов, причем в этих узких рамках наиболее разнообразно представлена „польская тема”, что безусловно, объясняется давними и глубокими русско-польскими связями, а также „украиноведческая” лексика (впрочем, компонент толко-

ваний „украинский”, „На Украине” пересекается с достаточно распространенным компонентом” „на юге России”).

Известно, что словарная продукция с неизбежностью отстает от меняющихся реалий жизни. Это наблюдается и в анализируемой группе слов. В словарях пока отсутствует новая (или, точнее, ресемантизированная) лексика, активно функционирующая в последние годы в ставших самостоятельными восточнославянских государствах, например, *карбованец*, *гривна* - денежные единицы на Украине и пр.

Исходя из того, что анализ словарей дает „объективные данные об устройстве лексикона человека, ибо в неявной форме отражает знания носителей языка, место тех или иных слов в лексиконе”,⁶ можно сделать вывод о том, что славянский элемент в глубинной и древнейшей части лексикона русских представлен достаточно широко (природа, человек, его быт, ремесла, культурные и этические представления), в то же время „славянская тема” в ее „внешнем” преломлении (элементы родственного для русских, но „иного” мира) в толковом словаре выглядит недостаточно разработанной.

Интересно сопоставить данные толкового словаря и словаря ассоциативного. Недавно вошедший в научный обиход *Русский ассоциативный словарь* представляет собой ценнейшее лексикографическое издание, „обнажающее сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ „держания” языка в памяти его носителя”, „приоткрывающее таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего”.⁷

В первой части словаря - „От стимула к реакции” - слова, объединенные славянской темой, в качестве стимулов не задаются, однако во второй части - „От реакции к стимулу” - мы находим интересующие нас лексические единицы (первое из приведенных ниже слов - реакция, второе и последующие - стимулы, на которые

---

⁶ А.Л. Федотов, *Семантика в словаре, семантика в речи, семантика в познавательной деятельности*, [в:] Ю.Н. Караулов, Л.Л. Федотов, Н.Л. Чулкина, *Между семантикой и гносеологией: Предварительные публикации*, Вып. 164, Москва 1985, с. 36.

⁷ *Русский ассоциативный словарь*, под ред. Ю. Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и др., Москва 1993, с. 191.

в ассоциативном эксперименте появилась соответствующая реакция): Болгария - табак; болгарский - табак; белорусский - болота; Белоруссия - болота, война, дерево, уезжать; вече - страну; гопак - танцевать; мазурку - танцевать; масленица - масло; польку - танцевать; пани - проще; пан - спесивый, чванливый, высокомерный; Польша - речь, свой; поляк - надутый, энергичный; старославянский язык - плод; славяноведения - институт; Украина - окраина, воссоздавать, голод, край, национальный, табак; Украина 30-х - голод; украинская - фамилия; украинский - национальный; Украины - голод; хата - деревня, чехословацкое - пиво.

Этот весьма ограниченный круг лексических единиц отражает (хотя, конечно, в очень фрагментарном виде) естественную системность лексикона, те живые, изменяющиеся и легко актуализируемые связи, которые присутствуют в языковом сознании нашего современника.